

Е. В. Бурлуцкая (Банникова)**Бани как компонент городской повседневности Оренбурга XIX века**

Баня как элемент городской повседневности являлась фактором, во многом определявшим качество жизни горожан. На основе различных групп источников дается характеристика устройства и санитарно-гигиенического состояния городских общественных бань. Определяется специфика банного хозяйства Оренбурга, связанная с подчеркнута государственным характером городского поселения, а также с объективными естественными причинами (нехватка воды). Акцентируется внимание на таких проблемах банного хозяйства Оренбурга, как плохое содержание, антисанитария, высокий уровень инфекционной угрозы. Делается вывод о негативном влиянии банных заведений на городскую экологию. Анализируется воздействие банных заведений города на повседневную жизнь оренбургских обывателей в целом.

Ключевые слова: повседневность, город, качество жизни, бани, санитарно-гигиеническое обеспечение.

Вопросы санитарно-гигиенического обеспечения населения в любую эпоху представляются важнейшими не только как прямая гарантия предотвращения эпидемий и болезней, роста продолжительности жизни людей, но и для повышения качества жизни, а вместе с ним и чувства собственного достоинства, самооценки и самоуважения. Качество жизни в данном случае понимается как показатель субъективного благополучия человека, степень его удовлетворенности собственной жизнью. В перечень ключевых составляющих этого понятия входят в том числе состояние здоровья (высокий/низкий уровень заболеваемости и смертности), физическая безопасность (наличие/отсутствие угроз жизни), а также условия окружающей среды (например, удовлетворенность/неудовлетворенность качеством воды, уровнем чистоты окружающего пространства) [12]. Однако, к сожалению, в отечественной историографии эти вопросы долгое время оставались на периферии научного внимания.

Рост исследовательского интереса произошел в рамках истории повседневности, затрагивавшей различные аспекты быденного существования индивидов и социальных общностей, в том числе и те, которые ранее принято было обходить научным вниманием, — телесные практики, гигиенические привычки и пр. В основном российских историков повседневности интересовали проблемы санитарно-гигиенического обеспечения населения в экстремальных ситуациях, например в период войн и революций. В рамках таких публикаций работа заведений, обеспечивающих соблюдение гигиенических норм, как правило, рассматривалась с точки зрения эффективности деятельности местного самоуправления или органов власти. Работа бань в период Первой мировой войны [38], революции 1917 г. и гражданской войны [30; 36], Великой Отечественной войны [7; 27] была неоднократно исследована в трудах региональных историков, в том числе и на материалах Оренбуржья [37].

Мирные же периоды в этом отношении оставались практически не исследованными. Так, в монографии Л. В. Кошман [11], посвященной городам и городской жизни в России XIX века, автор пишет о развитии водопроводной сети, но даже не упоминает о банях. Исключение составляет Москва, в которой в 1895 г. насчитывалось 40 банных заведений, что обусловило специальный интерес исследователей к этим объектам жилищно-коммунального хозяйства [34]. Авторы отдельных публикаций, посвященных вопросам здравоохранения в других регионах императорской России [2; 10], частной жизни горожан [3]

© Бурлуцкая (Банникова) Е. В., 2020

или «грязным» профессиям [35] (рабочие золотых рудников, шахтеры и т.д.), включали в свои статьи вопросы, посвященные банному промыслу, однако делали это кратко, не уделяя данным аспектам должного внимания. При этом все они были едины во мнении о том, что состояние банного хозяйства практически во всех населенных пунктах России даже во второй половине XIX — начале XX в. было удручающе плохим. Пожалуй, наиболее детально этот вопрос был исследован в статье А. И. Татарниковой [33], что подтверждает мнение многих современных исследователей о приоритетном развитии российской истории повседневности, российской городской истории именно в научных центрах Сибири.

В отношении городского хозяйства на Урале необходимо выделить работу коллектива авторов из Екатеринбурга, посвященную повседневной жизни уральских городов в XVIII — начале XX в. [15]. Деятельность оренбургских бань и их устроителей нашла отражение в книгах В. В. Дорофеева [4; 5], а также в коллективной монографии Е. В. Бурлуцкой, С. Г. Шлеюк и К. А. Абдрахманова [1]. Банному хозяйству посвящена и специальная статья научно-популярного плана в газете «Вечерний Оренбург» [29]. Однако отдельного научного исследования деятельности оренбургских бань и их роли в повседневной жизни горожан пока еще не осуществлялось. Этот пробел и призвана восполнить данная статья.

Цель исследования заключается в анализе банного хозяйства Оренбурга пореформенного периода как важного элемента повседневной жизни — его соответствия запросам горожан, особенностям функционирования и роли в организации повседневной жизни городского населения. Источниковой базой исследования послужила пресса исследуемого периода [17—19], опубликованные статистические материалы [16; 20—25; 31], а также работы справочно-аналитического [9] или очеркового [8; 14; 32] характера, написанные во второй половине XIX — начале XX в. Привлекались также нормативные документы [39] и нарративы [13].

Следует заметить, что многие работы конца XIX — начала XX в., посвященные городскому пространству или городскому хозяйству Оренбурга, не выделяют бани ни в особую категорию объектов городского благоустройства, как, например, водопровод, колодцы, освещение, транспорт, ни как объект, отвечающий за санитарно-гигиеническое состояние городской территории (например, ассенизация). Даже в работе, специально посвященной моментам, уясняющим «условия жизни, возникновения и развития болезней» в Оренбурге [9], про бани не сказано ничего конкретного. По-видимому, данное обстоятельство было связано с тем, что городские бани, как правило, находились на частном содержании (сдавались с торгов в аренду на длительный срок частным предпринимателям), и городские власти лишь контролировали их работу. Из-за этого в муниципальной статистике баням не уделялось большого внимания.

Судя по имеющимся данным, до начала 1860-х гг. в Оренбурге объектов банного хозяйства было немного. По словам П. Н. Столпянского, вопрос «о банях был когда-то жгучим вопросом, так как бани были чуть ли не единственной статьей дохода и городское управление тщательно наблюдало за тем, чтобы *никто из обывателей не имел при домах бань и не пускал в них посторонних* (выделено нами. — Е. Б.). Делалось это и как предосторожность от пожара, обычного при топке бань, а также во избежание подрыва доходности арендатора бань» [32, с. 363]. Город Оренбург, создаваемый по инициативе государства и являвшийся подчеркнуто «государским» населенным пунктом на отдаленной границе империи, должен был жить «по уставу», особенно в первые десятилетия своего существования. Властями контролировались даже вопросы частной жизни горожан, в том числе их личной гигиены. Поскольку большинство первых поселенцев в

городе составляли солдаты и другие воинские чины, привыкшие подчиняться приказам, особого нареkania с их стороны такое решение не вызвало.

В этом плане Оренбург резко контрастировал с другими губернскими центрами. Так, например, согласно сведениям, которые приводит в своей статье Ю. М. Гончаров, в Барнауле большинство домов имели частные бани. Однодневная перепись населения 1895 г. зафиксировала, что бани имелись при 1514 жилых домах, в том числе: топившиеся «по-белому» — 1252, «по-черному» — 262, т.е. 53,3% домов имели бани [3, с. 132]. Об этом же пишут и авторы монографии «Повседневная жизнь уральского города...». По их словам, в первой трети XIX в. «торговые бани в уральских городах были еще редкостью. Приезжающие гости пользовались частными банями» [15, с. 53]. Даже в 1899 г. в Екатеринбурге 23,7% городских строений занимали бани. По мнению В. А. Весновского, это свидетельствовало о том, что обыватели «привыкли к относительному гигиеническому комфорту и в то же время об отсутствии в городе торговых бань» (цит. по: [15, с. 54]).

В. В. Дорофеев приводит сведения о том, что в конце XVIII в. после пожаров 1786 г. в юго-западной части крепости на берегу Урала «перед левым фасадом Торгового бастиона появились бани» [5, с. 85], состоявшие из двух деревянных домов — в одном размещалась баня общая, а в другом дворянская [32, с. 363]. Как писал в своей книге П. Н. Столпянский, «построение в городе публичных и партикулярных бань после пожара 1786 года “отнюдь” не дозволялось и городские бани разрешено было построить на самом берегу Урала приблизительно в том месте, где теперь находится электрическая станция. Затем тут же было разрешено устроить бани и для баталиона военных кантонистов» [32, с. 39—40]. Возле бань вскоре появились торговые палатки, в которых посетители бань могли найти для себя все необходимое. Затем там стали селиться солдатки, потому что, как писал Столпянский, «известно, что составляло главный промысел солдаток в прежнее время» [32, с. 40].

Несмотря на то что город представлял собой военно-административный центр огромного региона, наполненный множеством военных, а также крупный торговый центр, привлекающий коммерсантов со всей России и из-за ее пределов, местные власти не считали необходимым строить в большом количестве стационарные специальные помещения для решения гигиенических проблем жителей Оренбурга. Главная причина — общая нехватка воды (единственной водной артерией была река Урал, протекающая по крайней южной оконечности Оренбурга). Привоз же воды из колодца был слишком дорогим и хлопотным занятием. Полагаем, что столь малое число устроенных бань на более чем пятидесяти тысячное население города было явно недостаточным для того, чтобы в полной мере обеспечить потребности жителей в личной гигиене.

В XIX в. ситуация в банном хозяйстве стала налаживаться. Отдельные бани появились при некоторых казенных учреждениях, например при Неплюевском кадетском корпусе. Эта баня попала в воспоминания В. И. Даля о посещении Оренбурга А. С. Пушкиным: «В Оренбурге Пушкину захотелось сходить в баню. Я свел его в прекрасную баню к инженер-капитану Артюхову (директору Неплюевского кадетского корпуса. — *Е. Б.*), добрейшему, умному, веселому и чрезвычайно забавному собеседнику» [13, с. 65]. Об этой же бане писал и Н. П. Иванов: «Гость спросил умыться, но хозяин тотчас же предложил Александру Сергеевичу в баню, а потом чай.

— Согласен, если только недалеко баня; мне надоела езда, — отвечал, потирая руки, гость.

— Так, значит, идем; двадцать шагов по коридору — и мы будем в теплушке. Распорядись-ка, — сказал мне К. Д. (Артюхов. — *Е. Б.*), — чтобы там найти нам людей и свечи. <...>

За хозяином вошел гость.

Кучер и мальчик проворно принялись за раздевание их.

— Да как, брат К. Д., у тебя славно здесь! Даже андреем пахнет (ambree), — заметил Александр Сергеевич с улыбкою, почесываясь и поглядывая рассеянно по сторонам: очень порядочно, здесь скорее гостиная, нежели баня» [6, с. 21—22].

Медицинские учреждения города к концу XIX в. тоже обзавелись собственными банями, а затем и ванными комнатами. Например, городская Александровская больница в конце 1870-х гг. имела собственную баню, хотя и находящуюся, судя по сведениям источников, в ужасном состоянии, а в материалах ревизии больницы 1897 г. сообщалось, что в ней имеется «одна ванная комната с двумя всего ваннами, ход в нее через холодный коридор; одними и теми же ваннами пользуются как сифилитики, так и вообще больные» [32, с. 162]. П. Н. Столпянский, описывающий положение дел в оренбургской системе здравоохранения, предпочитал «только изумляться, как не вымер весь Оренбург» [32, с. 168].

По сведениям, которые приводит в своей статье О. Сгибнева, в докладе оренбургского полицмейстера, полковника А. Г. Дрейера в ноябре 1867 г. сообщалось, что «в Оренбурге и предместьях оного имеются бани: во 2-й части — 3 деревянных и 1 каменная, в 3-й части — 11 деревянных и 2 каменные... В 1-й же части города бань, в коих опаривают за деньги, не имеется» [29]. В Форштадте, казачьем предместье, расположенном к востоку от 1-й части города, находились 32 деревянные бани [29]. Согласно статистическим источникам, население г. Оренбурга в 1866 г. насчитывало 33 431 чел. обоего пола [31, с. 1]. Таким образом, на каждую из 49 бань в городе приходилось в среднем по 682 человека. Такое соотношение было гораздо лучше, чем, например, в Томске, где в 1912 г. одна «торговая» баня приходилась в среднем на 7428 жителей [33, с. 43].

Первая часть города ограничивалась историческим центром, в котором находились основные казенные и учебные учреждения. Это был своеобразный «сити», «бизнес-центр», не предполагавший наличия предприятий бытовых услуг. Кроме того, в дом генерал-губернатора, располагавшийся прямо на набережной Урала, была проведена специальная ветка городского водопровода, обеспечивавшая начальника губернии необходимыми удобствами.

Вторая часть города, или Новая слободка, располагалась к северу и северо-востоку от центра. Как писал М. М. Кенигсберг, «обитатели этой части — бедный чиновничий люд, крестьяне, мещане; тут же все дома терпимости и т.д. Дома все небольшие и по преимуществу невзрачные как по наружности, так и по внутреннему виду» [9, с. 60]. Третья часть уходила на запад от бывшего городского вала в районы Аренды и Старой слободки. Это была «самая грязная и невозможная в гигиеническом отношении часть города» [9, с. 60]. Именно жителям этих городских районов бани были прямо показаны, поскольку, по словам врача И. А. Карвасовского, у людей, «ведущих деятельный образ жизни, после трудов всегда чувствуется значительная усталость; чернорабочие успевают при этом за целую неделю покрыться слоем грязи и пота. Оставивши в бане эту грязь, рабочие обновляют там свои силы и успокаиваются после физических напряжений» [8, с. 47]. Впрочем, согласно путеводителю по Оренбургу П. Д. Райского, в Старой слободке у Банного протока все же имелось «несколько торговых бань» [28, с. 100].

Распределение населения между частями города можно выяснить по материалам однопольной переписи населения г. Оренбурга, осуществленной в 1875 г. Согласно полученным в результате переписи данным, из 3081 домовладельца обоего пола, живущего в «городе и обеих слободах», в первой части города домами владели 694 человека, во второй — 1196 человек, в третьей — 549, в Форштадте — 642 человека обоего пола [16, с. 12]. Таким образом, наиболее заселенной была вторая часть города. При этом она об-

ладала всего четырьмя банными заведениями. Неплохо ситуация с банями выглядела в третьей части города, выходящей и к Уралу, и к Банному озеру, и к Банному протоку. Лучшее всего в гигиеническом плане чувствовали себя жители казачьего Форштадта.

Одной из «каменных бань» в третьей части города были Александровские бани, устроенные по инициативе губернатора Александра Павловича Безака и открытые для посетителей в сентябре 1867 г. в начале ул. Водяной (современной ул. Горького) на ее пересечении с пер. Казарменным (совр. пер. Архивным). Как писал П. Н. Столпянский, они были выстроены «на казенный счет и пожертвованы городу для того, чтобы на доходы, получаемые от бань, город мог делать различные улучшения своего хозяйства. Первое время бани эксплуатировались хозяйственным образом, а затем они стали сдаваться городом с торгов» [32, с. 362—363].

Согласно описанию одного из трех отделений бани, которое приводит в своей статье О. Сгибнева, в первые годы своего существования Александровские бани могли удовлетворить запросы самой взыскательной публики. В общей раздевалке посетителей встречала икона Спасителя. В качестве мебели в отделении использовались 29 «скамеек простой плотничной работы», 18 «стульев из березового дерева», 13 «диванов, обитых черной кожей, с точеными ножками, под лаком», 8 зеркал (размерами приблизительно 1×0,7 м) в рамках из березового дерева. Посетители могли использовать для своих нужд 7 «душей с медными кранами и решетками», «тазов красной меди — 20, желтой меди — 4, ванн больших из красной меди — 8, вешалок стенных, под лаком, с медными крючками — 8», 12 термометров Реомюра [29]. В бане продавались прохладительные напитки, пиво, легкие закуски. Плата за пользование банными услугами составляла 5 копеек с человека. Бани были открыты четыре раза в неделю — по понедельникам, средам, пятницам и субботам, а в теплое время года — по тем же дням, кроме понедельника.

Через 10 лет, в сентябре 1877 г., в третьей части города была открыта новая баня — деревянная, на каменном фундаменте, на южной стороне Чернореченской улицы к западу от Актюбинской (тогда Жирковской) улицы около Банного озера. Это была баня оренбургского купца А. Ф. Грена. Частных бань у жителей Аренды не имелось, поэтому Александр Федорович рассчитывал получить от организации своей торговой бани хорошую прибыль. На тот момент Грен был управителем городского водопровода, что делало реализацию его нового коммерческого замысла еще более простым [1, с. 124].

Впоследствии бани появились и во второй части города в районе ул. Полицмейстерской (совр. ул. Кичигина) [4, с. 108]. Путеводитель по г. Оренбургу П. Д. Райского в разделе о Новой слободке, составлявшей северную часть Оренбурга, утверждает, что это «центр промышленной жизни Оренбурга». «Здесь же, — по словам автора, — между прочим находятся довольно благоустроенные *Центральные бани*» [28, с. 100].

Разрешение на открытие торговой бани выдавала городская управа. Организация торговых бань осуществлялась в соответствии с правилами Строительного устава, который предписывал строить бани «близ воды и в удобных местах, дабы городским строениям не было от них опасности. Они должны быть из двух отделений: одно для мужского, другое для женского пола, с особыми входами и надписями» [39, с. 138]. Устав не требовал, чтобы бани были непременно каменными. Расстояние между банями и соседними постройками, согласно этому же документу, должно было быть не менее двух сажен [39, с. 164], а от соседних участков бани должны были отделяться брандмауэрами — противопожарными кирпичными стенами [39, с. 169].

Стоимость банных услуг в Оренбурге была вполне приемлема для большинства городских обывателей. Как отмечают в своей коллективной монографии Е. В. Бурлуцкая, С. Г. Шлеюк и К. А. Абдрахманов, плата за посещение «Греновской» бани «была невы-

сока: для детей — 2 копейки, для взрослых — в зависимости от желаемых услуг. Минимальную цену в 5 копеек брали за «общепростонародные» помывочные, «общедворянские» номера стоили 15 копеек, а отдельные номера стоили от 60 копеек до 1 рубля за час. В бане на два отделения была «раздевальная, мыльня, парная», буфет с напитками, пивом и комнаты отдыха по 50 копеек за час. Вода в «Греновскую» баню подавалась через машинное отделение, где фильтровалась и подогревалась. Небольшие размеры бани компенсировались невысокой ценой за пользование. Жители Старой слободки охотно посещали баню, работавшую пять дней в неделю, вплоть до ее закрытия и ликвидации в связи с прокладкой Ташкентской железной дороги» [1, с. 124—125].

Сравнительно низкая стоимость банных услуг в Оренбурге должна была в очередной раз убедить горожан пользоваться именно общественными банями. Так, по данным Г. Н. Ульяновой, в Москве «вход в так называемые “простонародные” (самые дешевые) отделения бань стоил 5 и 10 копеек, в более дорогие — по 30 и 50 копеек. Были семейные отделения, также по 30 копеек» [34, с. 117]. В пермских торговых банях плата за отдельный номер составляла от 30 коп. до 1 руб., а вход в общие отделения — от 7 до 10 коп. [15, с. 55].

Развитие банного хозяйства в Оренбурге тормозилось слабым развитием водопроводной сети, несмотря на то что оренбургский водопровод вел свою историю еще с конца 1830-х гг. До 1860-х гг. водопровод в Оренбурге представлял собой систему, в которой из большого резервуара на «городском» берегу Урала вода по трубам шла в два бассейна, расположенных на Александровской площади (пересечение совр. ул. Советской и Ленинской) и на базарной площади с западной стороны Гостиного двора. Специальная ветка водопровода обеспечивала губернаторский дом на набережной. Позднее еще одна ветка была доведена до Караван-Сарая. Как писал в своем очерке 1878 г. Ф. И. Лобысевич, «город снабжен водопроводом, имеющим семиверстную сеть водопроводных труб, каменный резервуар и водоподъемное здание, но не дающим достаточного количества воды» [14, с. 16].

В Старую слободку водопровод провели только в 1903 г. Даже очень богатые коммерсанты, строившие в Старой слободке свои дворцы и усадьбы, вынуждены были обходиться в домах без ванн и ватерклозетов (как, например, Василий Ефимович Мякинков, владелец огромной усадьбы и дома, в котором теперь располагается городской ЗАГС). В Новой же слободке в 1906 г. водопроводная магистраль была «доведена до Михайло-Архангельской площади (на ул. Хрипуновской, совр. ул. Рыбаковской. — *Е. Б.*), где и поставлена водоразборная будка». Причем сделано это было «с чисто противопожарной точки зрения» [32, с. 105], а не для удобства жителей.

Несмотря на то что, по словам М. М. Кенигсберга, к концу XIX века «современная гигиена пришла к тому заключению, что вода есть один из нужнейших жизненных продуктов человека», и был вычислен минимальный ежедневный расход воды на человека (156 л, или 12,7 ведра), в Оренбурге на человека приходилось «едва по 1 ведру воды в день на все его потребности и нужды» [9, с. 23]. Кенигсберг в данном случае ссылался на книгу доктора медицины, морского врача Жана-Батиста Фонсагрива «Гигиена и санитария городов»¹, а тот, в свою очередь, на работу доктора медицины Эдмунда Александра Паркеса «Руководство по практической гигиене»² [9, с. 23—24]. Расчеты этих ученых рисовали скорее идеальную картину, нежели реальное положение дел, однако наглядно демонстрировали жесткие ограничения в санитарно-гигиеническом плане, которым себя вынужденно подвергали жители Оренбурга.

¹ Fonsagrives J.-B. Hygiene et assainissement des villes. Paris, 1874. P. 287.

² Parkes A. A Manual of Practical Hygiene. London : John Churchill & Sons, 1866. P. 2—3.

По мнению первого главного врача Оренбургской губернской больницы, такое «положение дела весьма невыгодно отзывается на здоровье населения» [9, с. 23]. В этих условиях наличие общественных бань было для оренбуржцев совершенно необходимым. Минимальный расход воды на одного посетителя бани, согласно минимальной санитарной норме, составлял семь ведер [34, с. 117], что было абсолютной роскошью для жителей сухого, жаркого и пыльного Оренбурга.

В отличие от жителей большинства городских районов Оренбурга, жители Форштадта в плане водоснабжения находились на рубеже XIX—XX вв. в привилегированном положении, поскольку являлись обладателями собственного водопровода с фильтром [28, с. 99]. В 1898 г. «Оренбургская газета» опубликовала ряд объявлений, касающихся открытия новых торговых (общественных) бань в Форштадте. Первое из них гласило: «Киевские Торговые Бани в форштадте. Прекрасно отремонтированные, со всеми удобствами. Номера с ванными и дождями (вероятно, душем. — *Е. Б.*) от 15 коп. до 1 рубля. Имеются простыни и полотенца. При банях постоянная прислуга» [17]. Объявление второе, данное содержателем бани Андреем Николаевичем Воробьевым, сообщало, что «в Форштадте образцовая первая торговая баня открылась с 1 октября 1898 года. При бане имеются ванны и души с хорошими приемными. Отдельных номеров имеется в достаточном числе. Цена за номера для всех доступная. В номерах можно получать простыни, полотенца и прохладительные напитки». Воробьев выражал надежду на то, что «почтеннейшая публика не оставит своим посещением моей действительно образцовой бани» [18].

Однако несколько дней спустя та же «Оренбургская газета» разразилась едким фельетоном, посвященным банному хозяйству города. По словам автора, «Оренбург с его 72 000 жителей имеет только Александровские и форштадтские бани. И те, и другие являются весьма мало удовлетворительными и негигиеничными. Теснота, грязь, плохая обстановка, липкие стены внутри бань, грязная вода в весеннее время и высокая плата за пользование общей и номерной баней — все это преимущество Александровских бань, благодаря чему форштадтские бани, как несколько более опрятные, составляют довольно солидную конкуренцию первым и делают хорошие денежные дела» [19].

В «Описании санитарного состояния города Оренбурга» (1896 г.), которое приводит в своей статье О. Сгибнева, записано: «В городе имеется только одна общественная баня, принадлежащая городу и сдаваемая в аренду частному лицу, она находится недалеко от реки Урал, на краю города, поэтому положение ее нельзя назвать удобным вследствие отдаленности от города. Баня каменная, хорошо устроенная, имеет отделения: общее для мужчин и общее для женщин, так называемые дворянские и простонародные. В главном здании имеются 6 отдельных номеров, состоящих из раздевальной, ванной и парильной комнат. К главному зданию примыкает еще и пристрой, в котором имеется отделение для простонародья и несколько отдельных номеров. В главное здание вход с улицы, передняя снабжена диванами, тут же помещается и касса. Снабжается баня водой из городского водопровода, и во время весны, когда в Урале вода делается грязной и мутной, жителям приходится мыться этой водой, так как другой воды не подвозят» [29].

Помимо использования неочищенной воды Александровские бани «гршили» и другими неудобствами. Так, в 1898 г. оренбургская пресса писала, что даже в «дворянских банях не редкость встретить в числе моющихся лиц с кожными болезнями — лиц, которые производят здесь втирание мазей и т.п. Часто бывает, что и в дамском отделении бань моются проститутки с различными сыпями» [19]. Однако посетители бань чаще всего не видели в окружающей обстановке ничего криминального, поскольку, по словам Ф. И. Лобысевича, горожанам была привычна «дурная санитария и вообще жизненная

обстановка большинства населения — крайнее нечистоплотие и наше русское “авось” и “небось”» [14, с. 30].

Да и в целом в России такое положение дел в городских торговых банях было общераспространенным явлением. Как утверждал И. А. Карвасовский, везде простонародные бани содержатся «обыкновенно крайне грязно, чему способствует дозволение приходящим мыть в банях грязное белье. На лавках и на полу накаплиются целые слои грязи и мыла. Воздух отличается отвратительным запахом вследствие скопления народа, испарений при мойке грязного белья и разных летучих мазей, которые употребляются народом для наружных втираний с терапевтической целью» [8, с. 27]. Далее, ссылаясь на мнение «одного профессора», автор продолжал негодовать по поводу того, что «над банщиками надзору нет, и из них нередко бывают сифилитики; в банях довольно заметная грязь, вентиляций почти никаких нет, условия топления безобразны — в воздухе много содержится угольной кислоты, вода, благодаря запущению чанов, нередко бывает грязнее, чем в грязных речках: мочалы никогда не моются, не дезинфицируются, общие ванны тоже не промываются и не дезинфицируются» [8, с. 53—54].

По словам Т. А. Кискидосовой, в городах Енисейской губернии общественные бани не только не выполняли своей прямой функции обеспечения санитарно-гигиенических норм жизни горожан, но и сами нередко становились источником заразных болезней. Как пишет автор, «Ильинские бани в Красноярске оставляли неприглядное впечатление. По воспоминаниям очевидца, “там было очень грязно, особенно в дешевых номерах, они чистились не чаще одного раза в неделю. Комнаты для раздевания напоминали свиной хлев, а ни разу не мытые полки пропитались грязью”. В Минусинске в торговой бане Со-рокина в чистоте содержался только один номер, рассчитанный на состоятельных посетителей. В остальных номерах было грязно, подавалась еле теплая и вонючая вода» [10, с. 50]. В Уфе городские бани также воспринимались как рассадник инфекции. По словам Л. Р. Габдрафиковой, в середине 1880-х гг. местные власти считали, что бани «находятся в таком плохом состоянии, что кроме вреда для здоровья ничего не приносят — вода употребляется в банях негодная, повсюду гниль и сырость, содержатся грязно» [2, с. 123]. О том, что состояние большинства общественных бань в Томске не соответствовало существующим санитарным нормам, подробно пишет и А. И. Татарникова [33, с. 44—45]. И если в той же Сибири большая часть горожан имела возможность избежать посещения общественных бань, пользуясь собственными, домашними банями, у жителей Оренбурга такой альтернативы не было.

Автор фельетона в оренбургской газете связывал плачевное состояние большинства банных заведений с «быстрыми деньгами», получаемыми их содержателями. «Выгодность банного дела привлекает к нему много предпринимателей из всех слоев общества, не исключая духовенства, офицеров и чиновников, — писал журналист. — Предприниматель, затрачивая 3—5 т. рублей на постройку бань, получает 1200 руб. годового дохода. Ни одно предприятие не дает такого значительного барыша» [19]. В таких обстоятельствах содержатели торговых бань, для которых это не было «основным местом работы», естественно, не уделяли своей «подработке» должного внимания, сосредотачиваясь исключительно на том, чтобы она приносила стабильный и значительный доход. Как отмечал Карвасовский, когда-то «относительно бань у нас существовали указы, между тем в настоящее время над ними абсолютно нет никакого надзора». Все это совершенная правда; состояние бани находится, таким образом, в полной зависимости от добросовестности ее содержателя» [8, с. 54].

О том, что большую часть оренбургских бань действительно содержали люди, не считавшие это своим основным занятием, говорят и данные Переписи 1897 г. Согласно

им, в Оренбурге «чистота и гигиена тела» были основным занятием для 135 мужчин и 303 женщин [21, с. 109]. Для сравнения: в Самаре таковых было 85 мужчин и 599 женщин [22, с. 119], в Уфе — 31 и 253 соответственно [23, с. 93], а, например, в Томске — 79 и 543 [25, с. 149], в Барнауле 5 и 159 [25, с. 149], в Енисейске — 10 и 78 [24, с. 114] соответственно. Подсчитанные женщины были, вероятно, не только банщицами, но и прачками, а вот мужчины, скорее всего, именно банщиками. Исходя из приведенных данных, во-первых, следует подчеркнуть, что в Оренбурге по сравнению с другими названными губернскими и уездными центрами людей, занятых в указанной сфере, было больше. Это подтверждает тезис о преобладании в Оренбурге именно общественных банных заведений. Во-вторых, 135 мужчин на почти полсотни городских бань было явно заниженной цифрой. Например, в Москве на имеющиеся 40 бань эти показатели составили 2671 мужчину и 10 060 женщин [20, с. 185].

Форштадтские бани, по словам автора фельетона в «Оренбургской газете», составляли «значительное поселение, вытянувшееся в две узких улицы, на которых с трудом могут разехаться два наших извозчика. Вместе с тем они настолько скучены, что являются страшно опасными в пожарном отношении. В случае пожара здесь нет спасения; здесь может быть масса человеческих жертв. А пища для огня весьма значительна; ветхие здания, масса сухого дерева, запасы дров — все это усугубляет опасность. А огонь так близок: бани топят почти с улицы, так как топка устроена в еле закрытых помещениях» [19].

Однако форштадтские бани представляли собой проблему не только в плане пожароопасности или антисанитарии. Добраться до них городскому обывателю тоже было проблематично. Из Оренбурга к баням в Форштадте вели две дороги — одна проходила неподалеку от духовной семинарии, а другая — непосредственно через сам пригород. Первая дорога пролегла через очень крутой и узкий спуск, по которому в распутицу не могла проехать даже порожняя лошадь, «а при спуске с горы можно сломать голову». В темное время суток «благодаря полному отсутствию фонарей езда здесь невозможна», — писала «Оренбургская газета» [19]. Другой путь был длинен и неудобен, проходил через «непролазную грязь и очень крутые косогоры». Уличного освещения вдоль этой дороги также не наблюдалось.

Под форштадтской горой, позади бань, в результате разливов Урала и от эксплуатации бань возникло довольно большое озеро. В него сливались все нечистоты, превращая водоем в ужасную клоаку, издающую зловоние и являющую собой «резервуар болезнетворных микроорганизмов» [19]. Такая же проблема возникла и у жителей Новой слободки. Поток сточных вод из бань, расположенных в этой части города, выходящий через специальную канаву в Банный проток, огибающий город с запада и юго-запада, был прозван местными жителями рекой «Шушей», «потому что основной поток был из бани, владел которой Шушин. Поскольку канавка была открытой, от нее постоянно шел пар и “страшно зловонный запах”» [5, с. 170], — отметил в своей книге В. В. Дорофеев. Эта «речка», забиваясь мусором и наледью, часто выходила из берегов, заливая близлежащие улицы нечистотами.

Помимо этого сточные воды из форштадтских бань стекали и непосредственно в Урал. Поскольку же основная часть города располагалась ниже по течению (в том числе и основной водозабор), можно лишь предположить, водой какого качества приходилось обходиться пользователям городского водопровода.

В итоге следует констатировать, что банные заведения Оренбурга оказывали весьма специфическое влияние на повседневность горожан. Во-первых, в численном отношении в городе абсолютно преобладали общественные (торговые) бани, что было обусловлено

и «казенным» характером городской жизни, и потребностью в пополнении городского бюджета, и боязнью пожаров, и маловодьем города. Результатом явилось отсутствие альтернативы для горожан в сфере удовлетворения их санитарно-гигиенических потребностей. В каком бы состоянии ни пребывали общественные бани, население было вынуждено ими пользоваться.

Во-вторых, несмотря на то, что в XIX веке количество общественных бань в Оренбурге было сравнительно большим и на каждое заведение приходилось гораздо меньше горожан, чем, например, в городах Сибири, санитарное состояние большинства этих заведений было плачевным. Бани не только не способствовали улучшению гигиенической обстановки, но сами превращались в рассадник инфекции. Однако оренбуржцев, судя по всему, данное обстоятельство волновало мало. О каких-либо массовых возмущениях обывателей состоянием банного хозяйства города источники не сообщают. Можно констатировать, что степень брезгливости у городских обывателей была весьма низкой (это доказывает не только состояние городских бань, но и обстановка на городских рынках, общая картина городского пространства [32, с. 201, 203; 26, с. 29—32]).

Отсутствие бань в частных домах создавало ситуацию, когда, например, в жаркое время года (а летние температуры в Оренбурге доходили до 42° по Цельсию [14, с. 28]), возвращаясь в жилища со своих рабочих мест, уставшие, потные и грязные жители городских слобод в лучшем случае могли обмыть лишь лицо и руки, а посетить баню — только в субботний день. То есть оренбуржцы в основной своей массе, в отличие от жителей, например, Екатеринбурга, вплоть до начала XX в. так и не «привыкли к гигиеническому комфорту». Можно сказать, что оренбургская повседневность была сурова и безжалостна к обитателям города.

Насколько такие условия повседневности были дискомфортны для горожан, судить сложно. Все-таки современные представления о чистоте значительно расходятся с привычками людей прошлых столетий. Сегодня грязь, нечистоты постепенно исключаются из сферы видимой реальности. Чистота возводится в абсолют. А человек XIX века, привыкший быть чистым только один день в неделю, скорее всего, обращал гораздо меньше внимания на общее санитарное состояние окружающего его пространства. Естественный запах его тела, запах повседневной, редко стираемой одежды, запах дома, давно нечищенного отхожего места (если оно вообще имелось) — все это становилось запахом самой жизни человека. Вероятно, горожане не ощущали этих запахов точно так же, как современные жители мегаполисов не ощущают запаха выхлопных газов, асфальта и пр. Вероятно, именно поэтому авторы, пишущие во второй половине XIX в. о городе и городском пространстве, ничего не говорили о запахах города [1, с. 27].

Поскольку большинство горожан, по-видимому, были привычны к таким условиям жизни, они не воспринимали их как обстоятельства, ущемляющие их личностное достоинство, снижающие качество их жизни. Негативную оценку банным заведениям Оренбурга давали исключительно врачи и представители городской интеллигенции (например, журналисты), видящие в банной антисанитарии угрозу здоровью горожан или, в силу своего образования и воспитания, считающие состояние банного хозяйства совершенно неприемлемым для сохранения самоуважения посетителей бань. Однако на реальное положение дел эти индивидуальные протесты не имели практически никакого воздействия.

Список использованных источников и литературы

1. Бурлуцкая Е. В., Шлеюк С. Г., Абдрахманов К. А. Оренбург купеческий. Оренбург : Оренбургская книга, 2019. 272 с.

2. Габдрафикова Л. Р. Здравоохранение в городах Уфимской губернии (вторая половина XIX в.) // Историческая этнология. 2019. Т. 4, № 1. С. 119—131.
3. Гончаров Ю. М. Жилищные условия горожан Западной Сибири во второй половине XIX — начале XX в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2020. № 1 (48). С. 127—136.
4. Дорофеев В. В. Архитектура г. Оренбурга XVIII—XX веков. Оренбург : Южный Урал, 2007. 176 с.
5. Дорофеев В. В. Над Уралом-рекой. Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1988. 272 с.
6. Иванов Н. П. Хивинская экспедиция. 1839—40 гг.: очерки и воспоминания очевидца: практические советы отъезжающим в степи. СПб. : Тип. Т-ва «Общественная польза», 1873. 212 с.
7. Кабинова А. Ш. «Никаких улучшений в работе городского хозяйства... нет» (коммунальная инфраструктура городов ТАССР в период Великой Отечественной войны) // Гасырлар авазы. 2015. № 1-2. С. 172—180.
8. Карвасовский И. А. Краткий очерк истории бань и значение их в гигиеническом и терапевтическом отношениях / составил по разным источникам врач И. А. Карвасовский. Издание В. Изопольского. Киев : Тип. К. Н. Милевского, 1884. 54 с.
9. Кенигсберг М. М. Опыт медико-топографического исследования гор. Оренбурга : дис. на степ. д-ра мед. М. М. Кенигсберга. СПб. : Семен. типо-лит. (И. А. Ефрона), 1886. 200 с.
10. Кискидосова Т. А. Санитарное состояние городов Енисейской губернии в конце XIX — начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 403. С. 49—53. DOI: 10.17223/15617793/403/9.
11. Кошман Л. В. Город и городская жизнь в России XIX столетия: социальные и культурные аспекты. М. : РОССПЭН, 2008. 448 с.
12. Лебедева Л. С. «Качество жизни»: ключевые подходы и структура понятия // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 4 (146). С. 68—79.
13. Лернер Н. Из неизданных материалов для биографии Пушкина. Записки В. И. Даля // Русская старина. 1907. Т. 132. Октябрь. С. 63—67.
14. Лобысевич Ф. И. Город Оренбург : историко-статистический очерк. СПб. : Тип. Э. Гоппе, 1878. 60 с.
15. Миненко Н. А., Апкаримова Е. Ю., Голикова С. В. Повседневная жизнь уральского города в XVIII — начале XX века. М. : Наука, 2006. 384 с.
16. Однодневная перепись населения г. Оренбурга, произведенная 21 декабря 1875 г. Статистический очерк, составленный неперменным членом, и.д. секретаря Оренбургского губернского статистического комитета П. Н. Распоповым. Оренбург : Тип. А. Хохловой, 1878. [4], 86 с., 18 л. табл.
17. Оренбургская газета. 1898. № 474. 20 сент.
18. Оренбургская газета. 1898. № 486. 7 окт.
19. Оренбургская газета. 1898. № 489. 10 окт.
20. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Издание Центрального статистического комитета МВД / под ред. Н. А. Тройницкого. Т. 24: Московская губерния. СПб. : Т-во Художественной печати, 1905. 349 с.
21. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Издание Центрального статистического комитета МВД / под ред. Н. А. Тройницкого. Т. 28: Оренбургская губерния. СПб. : Тип. Т-ва Художественной печати, 1904. 198 с.
22. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Издание Центрального статистического комитета МВД / под ред. Н. А. Тройницкого. Т. 36: Самарская губерния. СПб. : Паровая скоропечатня П. О. Яблонского, 1904. 201 с.
23. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Издание Центрального статистического комитета МВД / под ред. Н. А. Тройницкого. Т. 45: Уфимская губерния. СПб. : Тип. М. Д. Ломковского, 1904. 189 с.
24. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Издание Центрального статистического комитета МВД / под ред. Н. А. Тройницкого. Т. 73: Енисейская губерния. СПб. : Тип. кн. В. П. Мещерского, 1904. 185 с.
25. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Издание Центрального статистического комитета МВД / под ред. Н. А. Тройницкого. Т. 79: Томская губерния. СПб. : Тип. Сиб. акц. общ. печ. и писчебум. дела в России «Слово», 1904. 246 с.
26. Повседневная жизнь провинциальной горожанки в пореформенной России (на материалах Оренбургской губернии второй половины XIX — начала XX века) : коллект. монография / Е. В. Бурлуцкая, К. А. Абдрахманов, Ю. О. Куренкова, А. Г. Фот, Н. В. Клементьева. Оренбург : Оренб. кн. изд-во им. Г. П. Донковцева, 2020. 472 с.
27. Рапохин К. И. Города Челябинской области в условиях Великой Отечественной войны (1941—1945 годы) // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2011. № 9 (224). С. 68—73.

28. Райский П. Д. Путеводитель по городу Оренбургу. Оренбург : Оренб. кн. изд-во, 2000. 176 с.
29. Сгибнева О. «Бани открываются с надлежащего по закону разрешения...» // Вечерний Оренбург. 2010. 18 марта.
30. Сизов С. Г. Повседневная жизнь горожан и эпидемия тифа в белом Омске в 1918—1919 годах // Четвертые Ядринцевские чтения : материалы IV Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию Революции и Гражданской войны в России. Омск, 2017. С. 43—48.
31. Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. Вып. 28: Оренбургская губерния: ...по сведениям 1866 года / сост. и изд. Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел ; обраб. В. Зверинским. СПб. : Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел, 1871. 108 с.
32. Столпянский П. Н. Город Оренбург. Материалы к истории и топографии города. Оренбург : Оренб. губ. тип., 1908. 399 с.
33. Татарникова А. И. Проблемы банного хозяйства г. Томска в начале XX века: санитарно-гигиенический аспект // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2017. № 5 (182). С. 42—48. DOI: 10.23951/1609-624X-2017-5-42-48.
34. Ульянова Г. Н. «Москва без бань — не Москва»: бани как предмет коммерческой недвижимости // Дворцы, усадьбы, доходные дома. Исторические рассказы о недвижимости Москвы и Подмосквья. М. : Форум : Неолит, 2012. С. 113—130.
35. Фаронов В. Н. Жилищно-бытовые условия у рабочих Западной Сибири конца XIX — начала XX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2015. № 4-1 (88). С. 266—273.
36. Федоров А. Н. Хроники повседневной жизни москвича в 1917—1920 гг.: жилищный вопрос // Труды Института российской истории РАН. 2010. № 9. С. 239—254.
37. Хисамутдинова Р. Р. Состояние банно-прачечного хозяйства Южного Урала в годы Великой Отечественной войны // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2007. № 2 (48). С. 160—165.
38. Чудаков О. В. Медико-санитарная деятельность органов городского самоуправления в Сибири в годы Первой мировой войны и период социальных катаклизмов (1914 — начало 1918 г.) // Омский научный вестник. 2012. № 2 (106). С. 17—20.
39. Шрамченко М. П. Устав строительный, измененный и дополненный узаконениями, обнародованными по 1 дек. 1914 г.: С разъяснениями Правительствующего сената и циркулярами М-ва вн. дел, и с прил. правил Строит. полиции для губерний Царства Польского... 10-е изд., доп. СПб. : Н. К. Мартынов, 1915. 510 с.

Поступила в редакцию 15.06.2020

Бурлуцкая (Банникова) Елена Вадимовна, доктор исторических наук, доцент
Оренбургский государственный педагогический университет
Российская Федерация, 460014, г. Оренбург, ул. Советская, 19
E-mail: ida777@yandex.ru

UDC 94(47)(470.56)

E. V. Burlutskaya (Bannikova)**Bathhouses as a component of urban daily life in Orenburg of the 19th century**

The bathhouse as an element of urban everyday life was a factor that strongly influenced the quality of life of citizens. The description of the design and sanitary conditions of urban public baths given in the article is based on various sources. The characteristics of the development of the bath industry in Orenburg, described in the article, was determined by the pronounced state nature of the city, as well as natural conditions such as water scarcity. The attention is paid to such problems of the Orenburg baths as poor maintenance, unsanitary conditions, and high risks of infection. The author argues that the public baths had a negative impact on urban ecology. The article analyzes the impact of the public baths on the daily life of Orenburg inhabitants in general.

Key words: everyday life, city, quality of life, bathhouses, sanitation.

Burlutskaya (Bannikova) Elena Vadimovna, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor
Orenburg State Pedagogical University
Russian Federation, 460014, Orenburg, ul. Sovetskaya, 19
E-mail: ida777@yandex.ru

References

1. Burlutskaya E. V., Shleyuk S. G., Abdrakhmanov K. A. *Orenburg kupecheskii* [Merchant's Orenburg]. Orenburg, Orenburgskaya kniga Publ., 2019. 272 p. (In Russian)
2. Gabdrifikova L. R. Zdravookhranenie v gorodakh Ufimskoi gubernii (vtoraya polovina XIX v.) [Healthcare in the cities of the Ufa Province (second half of the 19th century)]. *Istoricheskaya etnologiya — Historical Ethnology*, 2019, vol. 4, no. 1, pp. 119—131. (In Russian)
3. Goncharov Yu. M. Zhilishchnye usloviya gorozhan Zapadnoi Sibiri vo vtoroi polovine XIX — nachale XX v. [Housing conditions in Western Siberia in the second half of the 19th — early 20th century]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, 2020, no. 1 (48), pp. 127—136. (In Russian)
4. Dorofeev V. V. *Arkhitektura g. Orenburga XVIII—XX vekov* [Architecture of the Orenburg in the 18—20th centuries]. Orenburg, Yuzhnyi Ural Publ., 2007. 176 p. (In Russian)
5. Dorofeev V. V. *Nad Uralom-rekoi* [Over the Ural River]. Chelyabinsk, Yuzh.-Ural. kn. izd-vo Publ., 1988. 272 p. (In Russian)
6. Ivanov N. P. *Khivinskaya ekspeditsiya. 1839—40 gg.: ocherki i vospominaniya ochevidtса: prakticheskie sovety ot "ezhchayushchim v stepi* [Khiva expedition. 1839—40: sketches and memoirs of an eyewitness: practical advice for those leaving for the steppe]. St. Petersburg, Tip. T-va "Obshchestvennaya pol'za" Publ., 1873. 212 p. (In Russian)
7. Kabirova A. Sh. "Nikakikh uluchshenii v rabote gorodskogo khozyaistva... net" (kommunal'naya infrastruktura gorodov TASSR v period Velikoi Otechestvennoi voiny) ["No improvements in the work of the municipal economy..." (communal infrastructure of the cities of the TASSR during the Great Patriotic War)]. *Gasyrlar avazy = The voice of centuries*, 2015, no. 1-2, pp. 172—180. (In Russian)
8. Karvasovskii I. A. *Kratkii ocherk istorii ban' i znachenie ikh v gigenicheskom i terapevticheskom otnosheniyakh. Sostavil po raznym istochnikam vrach I. A. Karvasovskii. Izdanie V. Izopol'skogo* [A brief outline of the history of baths and their importance in hygienic and therapeutic relations. Compiled from various sources by the doctor I. A. Karvasovsky. Published by V. Izopolsky]. Kiev, Tip. K. N. Milevskogo Publ., 1884. 54 p. (In Russian)
9. Kenigsberg M. M. *Opyt mediko-topograficheskogo issledovaniya gor. Orenburga: dis. na step. d-ra med. M. M. Kenigsberga* [Experience of medical and topographic research of the Orenburg. Dr. Dis.]. St. Petersburg, Semen. tipo-lit. (I. A. Efrona) Publ., 1886. 200 p. (In Russian)
10. Kiskidosova T. A. Sanitarnoe sostoyanie gorodov Eniseiskoi gubernii v kontse XIX — nachale XX v. [Sanitary conditions of towns of Yenisei Province in the late 19th and early 20th centuries]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta — Tomsk State University Journal*, 2016, no. 403, pp. 49—53. DOI: 10.17223/15617793/403/9. (In Russian)
11. Koshman L. V. *Gorod i gorodskaya zhizn' v Rossii XIX stoletiya: sotsial'nye i kul'turnye aspekty* [City and urban life in 19th century Russia: social and cultural aspects]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2008. 448 p. (In Russian)

12. Lebedeva L. S. “Kachestvo zhizni”: klyuchevye podkhody i struktura ponyatiya [Quality of life: main approaches and the notion structure]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, 2018, no. 4 (146), pp. 68—79. (In Russian)
13. Lerner N. Iz neizdannykh materialov dlya biografii Pushkina. Zapiski V. I. Dalya [From unpublished materials for the biography of Pushkin. V. Dahl's notes]. *Russkaya starina*, 1907, vol. 132. Oct., pp. 63—67. (In Russian)
14. Lobysevich F. I. *Gorod Orenburg: istoriko-statisticheskii ocherk* [Orenburg town: historical and statistical essay]. St. Petersburg, Tip. E. Goppe Publ., 1878. 60 p. (In Russian)
15. Minenko N. A., Apkarimova E. Yu., Golikova S. V. *Povsednevnyaya zhizn' ural'skogo goroda v XVIII — nachale XX veka* [Everyday life of the Ural town in the 18th — early 20th centuries]. Moscow, Nauka Publ., 2006. 384 p. (In Russian)
16. *Odnodnevnyaya perepis' naseleniya g. Orenburga, proizvedennaya 21 dekabrya 1875 g. Statisticheskii ocherk, sostavlennyy nepremennym chlenom, i.d. sekretarya Orenburgskogo gubernskogo statisticheskogo komiteta P. N. Raspopovym* [One-day census of the population of the town of Orenburg, carried out on December 21, 1875. Statistical essay compiled by an indispensable member, etc. Secretary of the Orenburg Provincial Statistical Committee P. N. Raspopov]. Orenburg, Tip. A. Khokhlovoi Publ., 1878. [4], 86 p., 18 l. tabl. (In Russian)
17. *Orenburgskaya gazeta*, 1898, no. 474. Sept. 20.
18. *Orenburgskaya gazeta*, 1898, no. 486. Oct. 7.
19. *Orenburgskaya gazeta*, 1898, no. 489. Oct. 10.
20. *Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii 1897 g. Izdanie Tsentral'nogo statisticheskogo komiteta MVD. T. 24: Moskovskaya guberniya* [The first general census of the population of the Russian Empire in 1897. Published by the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs. Vol. 24: Moscow province]. St. Petersburg, T-vo Khudozhestvennoi pechati Publ., 1905. 349 p. (In Russian)
21. *Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii 1897 g. Izdanie Tsentral'nogo statisticheskogo komiteta MVD. T. 28: Orenburgskaya guberniya* [The first general census of the population of the Russian Empire in 1897. Published by the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs. Vol. 28: Orenburg province]. St. Petersburg, Tip. T-va Khudozhestvennoi pechati Publ., 1904. 198 p. (In Russian)
22. *Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii 1897 g. Izdanie Tsentral'nogo statisticheskogo komiteta MVD. T. 36: Samarskaya guberniya* [The first general census of the population of the Russian Empire in 1897. Published by the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs. Vol. 36: Samara province]. St. Petersburg, Parovaya skoropechatnya P. O. Yablonskogo Publ., 1904. 201 p. (In Russian)
23. *Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii 1897 g. Izdanie Tsentral'nogo statisticheskogo komiteta MVD. T. 45: Ufimskaya guberniya* [The first general census of the population of the Russian Empire in 1897. Published by the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs. Vol. 45: Ufa province]. St. Petersburg, Tip. M. D. Lomkovskogo Publ., 1904. 189 p. (In Russian)
24. *Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii 1897 g. Izdanie Tsentral'nogo statisticheskogo komiteta MVD. T. 73: Eniseiskaya guberniya* [The first general census of the population of the Russian Empire in 1897. Published by the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs. Vol. 73: Yenisei province]. St. Petersburg, Tip. kn. V. P. Meshcherskogo Publ., 1904. 185 p. (In Russian)
25. *Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii 1897 g. Izdanie Tsentral'nogo statisticheskogo komiteta MVD. T. 79: Tomskaya guberniya* [The first general census of the population of the Russian Empire in 1897. Published by the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs. Vol. 79: Tomsk province]. St. Petersburg, Tip. Sib. akts. obshch. pech. i pischebum. dela v Rossii “Slovo” Publ., 1904. 246 p. (In Russian)
26. Burlutskaya E. V., Abdrakhmanov K. A., Kurenkova Yu. O., Fot A. G., Klement'eva N. V. *Povsednevnyaya zhizn' provintsial'noi gorozhanki v poreformennoi Rossii (na materialakh Orenburgskoi gubernii vtoroi poloviny XIX — nachala XX veka)* [Everyday life of a woman in a provincial town of post-reform Russia (based on the materials from Orenburg province of the second half of the 19th — early 20th centuries)]. Orenburg, Orenb. kn. izd-vo im. G. P. Donkovtseva Publ., 2020. 472 p. (In Russian)
27. Rapokhin K. I. *Goroda Chelyabinskoi oblasti v usloviyakh Velikoi Otechestvennoi voyny (1941—1945 gody)* [The cities of the Chelyabinsk region during the Great Patriotic War (1941—1945)]. *Magistra Vitae: elektronnyi zhurnal po istoricheskim naukam i arheologii — “Magistra Vitae”: an electronic journal on historical sciences and archeology*, 2011, no. 9 (224), pp. 68—73. (In Russian)
28. Raiskii P. D. *Putevoditel' po gorodu Orenburgu* [City guide to Orenburg]. Orenburg, Orenb. kn. izd-vo Publ., 2000. 176 p. (In Russian)
29. Sgibneva O. “Bani otkryvayutsya s nadlezhashchego po zakonu razresheniya...” [“Baths are opened with the permission required by law...”]. *Vechernii Orenburg*, 2010, March 18. (In Russian)

30. Sizov S. G. Povsednevnyaya zhizn' gorozhan i epidemiya tifa v belom Omske v 1918—1919 godakh [Everyday life of townspeople and the typhus epidemic in white Omsk in 1918—1919]. *Chetvertye Yadrinsevskie chteniya: materialy IV Vseros. nauch.-prakt. konf., posvyashch. 100-letiyu Revolyutsii i Grazhdanskoi voiny v Rossii* [Fourth Yadrinsevsky readings. Proceed. of the IV All-Russia sci.-pract. conf., dedicated to the 100th anniversary of the Revolution and the Civil War in Russia]. Omsk, 2017, pp. 43—48. (In Russian)
31. *Spiski naseleennykh mest Rossiiskoi imperii, sostavlennyye i izdavaemye Tsentral'nym statisticheskim komitetom Ministerstva vnutrennikh del. Vyp. 28: Orenburgskaya guberniya: ...po svedeniyam 1866* [Lists of populated areas of the Russian Empire, compiled and published by the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs. Issue 28: Orenburg province: ... according to the information of 1866]. St. Petersburg, Tsentr. stat. kom. M-va vnutr. del Publ., 1871. 108 p. (In Russian)
32. Stolpyanskii P. N. *Gorod Orenburg. Materialy k istorii i topografii goroda* [Orenburg. Materials for the history and topography of the town]. Orenburg, Orenb. gub. tip. Publ., 1908. 399 p. (In Russian)
33. Tatarnikova A. I. Problemy bannogo khozyaistva g. Tomsk v nachale XX veka: sanitarno-gigienicheskii aspekt [Tomsk bath farms problems in the early XX century: hygienic aspect]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta — Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2017, no. 5 (182), pp. 42—48. DOI: 10.23951/1609-624X-2017-5-42-48. (In Russian)
34. Ul'yanova G. N. “Moskva bez ban' — ne Moskva”: bani kak predmet kommercheskoi nedvizhimosti [“Moscow without baths is not Moscow”: baths as a subject of commercial real estate]. *Dvortsy, usad'by, dokhodnye doma. Istoricheskie rasskazy o nedvizhimosti Moskvy i Podmoskov'ya* [Palaces, estates, tenement houses. Historical stories about real estate in Moscow and the Moscow region]. Moscow, Forum, Neolit Publ., 2012, pp. 113—130. (In Russian)
35. Faronov V. N. Zhilishchno-bytovye usloviya u rabochikh Zapadnoi Sibiri kontsa XIX — nachala XX v. [Living conditions of workers in Western Siberia at the end of 19th — beginning 20th century]. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta — Izvestiya of Altai State University*, 2015, no. 4-1 (88), pp. 266—273. (In Russian)
36. Fedorov A. N. Khroniki povsednevnoi zhizni moskvicha v 1917—1920 gg.: zhilishchnyi vopros [Chronicles of the everyday life of a Muscovite in 1917—1920: housing issue]. *Trudy Instituta rossiiskoi istorii RAN*, 2010, no. 9, pp. 239—254. (In Russian)
37. Khisamutdinova P. P. Sostoyanie banno-prachechnogo khozyaistva Yuzhnogo Urala v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [The state of the bath and laundry facilities in the Southern Urals during the Great Patriotic War]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta — Vestnik of Orenburg State Pedagogical University*, 2007, no. 2 (48), pp. 160—165. (In Russian)
38. Chudakov O. V. Mediko-sanitarnaya deyatel'nost' organov gorodskogo samoupravleniya v Sibiri v gody Pervoi mirovoi voiny i period sotsial'nykh kataklizmov (1914 — nachalo 1918 g.) [Medical and sanitary activities of municipal authorities in Siberia during the First World War and the period of social cataclysms (1914 — early 1918)]. *Omskii nauchnyi vestnik*, 2012, no. 2 (106), pp. 17—20. (In Russian)
39. Shramchenko M. P. *Ustav stroitel'ny, izmenennyi i dopolnennyi uzakoneniymi, obnarodovannymi po 1 dek. 1914 g.: S raz'yasneniyami Pravitel'stvuyushchego senata i tsirkulyarami M-va vn. del, i s pril. pravil Stroit. politsii dlya gubernii Tsarstva Pol'skogo... 10-e izd., dop.* [The building charter, amended and supplemented by legalizations promulgated on December 1. 1914: With clarifications of the Governing Senate and circulars of M-va ext. cases, and with adj. rules building police for the provinces of the Kingdom of Poland... 10th ed., add.]. St. Petersburg, N. K. Martynov Publ., 1915. 510 p. (In Russian)